

В.А.: Это то, что в Голливуде называют seed money.

А.К.: Небольшая компания Global Film Management в Голливуде заинтересовалась проектом. Бюджет по американским меркам небольшой – 7-8 млн долларов. Израиль тоже проявил интерес. Наш герой – русский художник, но ничто еврейское ему не чуждо (смеется).

В.А.: Поскреби каждого русского и найдешь...

А.К.: Татарина.

В.А.: Я ведь татарин по месту рождения – Казань. А еще поскреби меня – я еврей по маме.

А.К.: В общем, возможны и другие источники финансирования. Надежда есть.

О.С.: Не получится ли, что инвесторы из России, Израиля и Америки будут тянуть каждый в свою сторону?

В.А.: Этот проект подпирается романом. Роман не даст легкой возможности торваться от фундамента.

О.С.: Консенсус есть?

В.А.: Роман адресован разным группам зрителей. Это будет первый русский фильм, снятый с русскими актерами об эмиграции, о русском зарубежье.

А.К.: Нет, были уже фильмы об эмиграции. В романе есть нечто большее, чем описание эмигрантской жизни. Михаил Ромм как-то сказал нам, своим студентам: ты можешь снимать о колхозе, о заводе, но должен всегда снимать о жизни и смерти – это и есть искусство.

О.С.: О главном герое, Александре Корбахе. Василий Павлович, когда вы писали роман, вы себя на его место подставляли?

В.А.: Отчасти, в меньшей степени, чем других, подобных мне беженцев и изгнанников. В нем есть и Высоцкий, если бы он уехал, есть и Тарковский, и Любимов. Русский художник конца 70-х – начала 80-х годов, оказавшийся на фоне дикого стресса в чужой среде; как он выкарабкивается из всего этого и к чему приходит.

О.С.: Давнее московское воспоминание. Приятель потащил меня, еще зеленого журналиста, на заседание правления секции, кажется, международной публицистики, на котором «песочили» Аксенова. Обсуждались «Круглые сутки нон-стоп», ваша книжка об Америке.

В.А.: Да-да, помню. Я только что вернулся из Америки. Они были рады, что я вернулся.

О.С.: Меня потрясло обсуждение. Такая инквизиция! Я любил ваши книги, и меня поразил высокомерный тон, с каким американисты драконили книгу. Я тогда впервые почувствовал, как вас выгоняют, заставляя чувствовать себя лишним.

А.К.: Кстати, это ощущение замечательно передано в романе.

В.А.: Мои недоброжелатели все время попадали в абсурдное положение. Они выталкивали меня и других, а с другой стороны, панически боялись, что мы останемся на Западе.

О.С.: Шизофренический период жизни. Все в сюрреалистическом смещении. Ваш карнавал тогда и закрутился...

В.А.: В романе есть ретроспекции в виде воспоминаний Саши Корбаха. И еще много в романе любви. Одна из глубинных тем романа – контраст между любовью земной и любовью небесной.

О.С.: Василий Павлович, вы всегда работаете на стыке классики и китча, обыгрываете иронически новую культуру. Обложка книги символична – портрет Данте и брошенная на спинку стула джинсовая куртка. Между прочим, вы поставили рекорд для книги Гиннесса. Речь идет о количестве мест, в которых вы приложили перо к бумаге. В конце книги перечисляются города и веси, где вы ее писали, почти 30 пунктов – от Стокгольма до Самары.

В.А.: В том числе и волжский пароход «Иван Кулибин».

О.С.: Означает ли это, что вы писали урывками?

В.А.: Да, урывками. У меня же университет, преподавание висело на мне все время. Я писал на каникулах, во время переездов.

О.С.: Если говорить об американской линии, вы зацепили реальную историю?

В.А.: Американский родственник Саши Корбаха – полуфантастическая фигура, современный благотворительный Гаргантюа. В нашем странном мире то и дело возникают какие-то неожиданные благотворительные поступки. У этого типа есть прототипы. С какой стати, например, Сорос занялся благотворительностью в России?

О.С. (с нажимом): Неужели не знаете? Он же работает по указке ЦРУ.

В.А.: По-моему, ЦРУ работает по его указке (смеется). Или – Борис Абрамович Березовский, фигура раблезианского, байронического порядка.

О.С.: Каковы сроки производства фильма?

А.К.: Даст Бог, выйдет через пару лет.

В.А.: Дай-то Бог! СК Ковбаси-

2002-4 Олег СУЛЬКИН, Нью-Йорк
Ковбаси - С.4-5.